

Возвышение Корнилова

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Возвышение Корнилова ВОЗВЫШЕНИЕ КОРНИЛОВА

Для русских либералов и консерваторов, которые после июльского восстания преждевременно праздновали тризну по большевизму и радовались возврату к сильному правительству и твердому порядку, развитие событий во второй половине июля и в первые недели августа оказалось неприятным сюрпризом. В это тревожное время все петроградские газеты изобиловали сигналами углублявшегося в России политического и социального кризиса. Каждый день приносил новые сообщения об усиливающейся анархии и росте насилия среди жаждущих земли крестьян, об увеличении беспорядков в городах и растущей воинственности заводских рабочих, о неспособности правительства противостоять движению финнов и украинцев за полную автономию, о продолжавшейся радикализации солдат на фронте и в тылу, о катастрофическом положении с производством и распределением продовольствия и товаров первой необходимости, о стремительно взмывавших вверх ценах и усилении влияния большевиков, которые, по-видимому, являлись единственной главной политической организацией, извлекавшей выгоду из существовавших трудностей, и которые после VI съезда, по-видимому, с нетерпением ждали первого подходящего момента для организации вооруженного восстания. В середине августа на ряде военных заводов по неизвестным причинам произошла серия пожаров и взрывов [1]. Положение с продовольствием в Петрограде, уже вызывавшее тревогу, вдруг стало просто отчаянным [2], в основном из-за продолжавшегося хаоса на железных дорогах и речном транспорте. 21 августа пришло, пожалуй, самое тяжелое известие – немцы оккупировали Ригу, важный морской порт на Балтийском море. И вот уже толпы перепуганных граждан (по крайней мере те из них, которые располагали средствами), опасавшихся дальнейших внутренних беспорядков и вражеского нападения на столицу, спешно готовились покинуть Петроград. Внезапное увеличение количества

сдающихся внаем домов и квартир явилось красноречивым свидетельством царившей паники.

Никого так не огорчали эти зловещие признаки продолжавшегося политического, социального и экономического спада, как Керенского. И тем не менее, страшась, что одни лишь репрессии, не подкрепленные реформами, вызовут в Совете только раздражение, вновь выведут петроградские массы на улицы, и будучи не в состоянии сплотить свой кабинет на основе какой-либо программы преобразований, он не мог существенно влиять на ход событий. В то же время, видя, что государственное управление оказалось парализованным, все больше промышленников, деловых людей, представителей дворянства и офицеров (словом, широкий спектр не только консервативного, но и либерального общественного мнения), а также представителей союзников в России приходили к заключению, что правительство второй коалиции не жизнеспособнее первой. Эти группы населения единственную надежду на восстановление порядка на фронте и прекращение хаоса в тылу связывали с союзом анти социалистических либеральных и консервативных сил и с установлением сильной диктатуры, готовой взять на себя задачу по устранению противоборствующих центров политической власти (прежде всего Совета), обузданию революции и мобилизации населения России на защиту отечества.

В августе 1917 года подобные взгляды разделяло большинство кадетов и такие влиятельные центристские политические группировки, как Всероссийский союз торговли и промышленности и Союз земельных собственников, действовавшие в Москве [3]. Как уже отмечалось, хотя меньшинство кадетского руководства на события конца июля и августа ответило призывами к дальнейшей поддержке коалиционного правительства и к тесному сотрудничеству с умеренными социалистами в деле удовлетворения требований масс относительно реформ, основные силы партии во главе с Милюковым решительно сдвинулись вправо [4]. В то же время кадеты старались в общем и целом уклоняться от прямого участия в подготовке к перевороту (такую же позицию, по всем признакам, занимали Всероссийский союз торговли и

промышленности и Союз земельных собственников). Полагая, что любые действия, направленные на установление диктатуры, но не одобренные правительством и Советом, обречены на неудачу, они пока ограничивались тем, что оказывали давление как внутри правительства, так и вне его с целью побудить к самым решительным мерам для восстановления правопорядка и боеспособности вооруженных сил [5].

Другие крупные центристские и правые политические группировки, недовольные в то время Керенским, не испытывали подобных колебаний относительно путей установления диктатуры. Как и следовало ожидать, среди этих воинственно настроенных кругов особенно выделялись различные офицерские организации. Ожесточившиеся элементы офицерского корпуса начали рассматривать возможность введения военной диктатуры еще в апреле 1917 года. Со временем их число быстро росло, и представители множества военных организаций начали как пчелы в улей слетаться в армейскую Ставку в Могилеве, где разрабатывались детальные планы, имеющие целью ликвидировать те перемены, которые принесла с собой Февральская революция. В июле и августе наиболее влиятельными из этих воинствующих офицерских группировок были: Союз офицеров армии и флота с главной штаб-квартирой в Могилеве, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров со штаб-квартирами в Петрограде [6].

Из функционировавших летом 1917 года гражданских организаций аналогичной ориентации, вероятно, наиболее заметными были: Общество экономического возрождения России и Республиканский центр. Созданное в апреле 1917 года и возглавлявшееся Александром Гучковым и Алексеем Путиловым Общество экономического возрождения объединило влиятельных лиц из сферы торговли, промышленности и страхования, которые финансировали антибольшевистскую пропаганду и затем оказывали поддержку своим кандидатам на выборах в Учредительное собрание [7]. Однако по мере углубления политического кризиса в России Общество стало теснее сотрудничать с высшим военным командованием и содействовать приготовлениям к установлению

военной диктатуры. Похожую эволюцию пережил и Республиканский центр. Основанный в мае под эгидой мощного Сибирского банка консервативными представителями деловых и военных кругов для содействия пропагандистской кампании призванной затормозить начавшееся стихийное их (революционное) движение» [8], Республиканский центр вскоре организовал активный военный отдел во главе с полковником Л.П. Дюсиметьером, включавший представителей всех наиболее крупных, действовавших в то время офицерских групп. Отдел сконцентрировал внимание почти исключительно на вопросах технической подготовки к захвату власти.

Следует также отметить, что весной и летом 1917 года военные и гражданские организации правых рассматривали несколько известных военных деятелей, в том числе генералов Алексеева, Брусилова и адмирала Колчака, в качестве кандидатов на пост диктатора. К концу июля, однако, явным фаворитом стал генерал Лавр Корнилов, вновь назначенный начальник Генерального штаба русской армии. [9] Небольшого роста, худощавый, кривоногий, прямолинейного и жесткого характера, Корнилов выделялся клинообразной бородкой и пышными, элегантными усами, а также раскосыми глазами и скулами своих монгольских предков. Родившийся в 1870 году в семье казачьего офицера и выросший в сибирской глуши, Корнилов не получил полного военного образования и начал свою служебную карьеру в качестве исследователя китайского Туркестана и восточных провинций Персии. Во время русско-японской войны он участвовал в боевых действиях в Маньчжурии, а с 1907 по 1911 год служил военным атташе в русском посольстве в Пекине. В самом начале первой мировой войны Корнилов быстро продвинулся в чинах и сразу получил под командование пехотную дивизию. Весной 1915 года большую часть его дивизии уничтожили австрийские войска, а сам Корнилов, проблуждав в лесу, попал в плен и около года провел в венгерском лагере военнопленных [10].

Об умонастроениях Корнилова в период его заточения писал генерал Е.И. Мартынов, который в плену жил в одном помещении с

Корниловым и под началом которого Корнилов служил еще в Маньчжурии. По словам Мартынова, в месяцы растущего всеобщего возмущения царским режимом в России Корнилов, снедаемый неудовлетворенным честолюбием, заполнял часы вынужденного досуга чтением книг о Наполеоне, которое еще сильнее растравляло его самолюбие. Мартынов утверждал, что в то время Корнилов симпатизировал черносотенцам. Читая в австрийской прессе о борьбе царского правительства с прогрессивным блоком Государственной думы, Корнилов неоднократно говорил, что с удовольствием перевешал бы «всех этих Гучковых и Милюковых» [11].

В июле 1916 года Корнилов, переодевшись в форму австрийского солдата, бежал из плена и вернулся в Россию. Главным образом благодаря шумной рекламе в прессе, в тот безрадостный период жаждавшей любого, даже самого мизерного, успеха, Корнилов внезапно превратился в национального героя. Побег из плена способствовал созданию вокруг него ореола мужества и отваги, который окружал Корнилова и к моменту свершения Февральской революции. В остальном его военные достижения были весьма скромными – обстоятельство, однажды побудившее генерала Брусилова резко заявить: «Это начальник лихого партизанского отряда – и больше ничего» [12].

После февральских событий Корнилов быстро, хотя лишь внешне, приспособился к изменившейся политической обстановке. Назначенный главнокомандующим Петроградским военным округом по настоянию лидеров Думы, искавших популярную и авторитетную личность, способную помочь восстановить порядок и спокойствие [13], Корнилов, прибыв в столицу 5 марта, заявил журналистам, что революция «является верным залогом нашей победы над врагом» [14]. Вскоре после официального визита в Исполнительный Комитет Петроградского Совета Корнилов отправился в Царское Село, чтобы арестовать императрицу Александру. Вместе с тем, несмотря на внешнее проявление революционного рвения, Корнилов оставался офицером старой выучки. Политические вопросы интересовали его лишь постольку,

поскольку они касались главной задачи – воссоздания армии. Мартынов назвал Корнилова «в области политики... совершенным профаном», а хорошо знавший Корнилова генерал Алексеев сказал, что у него «львиное сердце, а голова овечья» [15].

Корнилов плохо разбирался в противоречиях различных политических групп и классов российского общества. Он, например, почти не видел различия между умеренным социалистическим руководством Петроградского Совета, который, хотя и стремился к заключению мира на основе компромисса, тем не менее твердо поддерживал оборонительные усилия России, и большевиками, в целом выступавшими против войны и усилий по обороне. Разве не Советы несли ответственность за развал традиционной военной дисциплины в вооруженных силах и являлись инициаторами появления всех этих надоедливых комитетов и политических комиссаров? В разгар апрельских волнений потерявший терпение Корнилов вызвал артиллерию, намереваясь использовать ее против демонстраций рабочих и солдат, однако этот приказ был немедленно отменен Петроградским Советом [16]. В ответ Корнилов подал в отставку и выехал на Юго-Западный фронт, полный вражды к Советам, чувства неприязни и горечи к Временному правительству за его, как он считал, мягкотелость по отношению к «внутренним врагам» России.

Не удивительно, что с этого момента руководство Советов стало относиться к Корнилову с подозрением, а для рабочих и солдат Петрограда его имя стало почти синонимом насилия и контрреволюции. В то же время жесткий подход Корнилова к гражданским беспорядкам привлек внимание консерваторов, которые начали рассматривать его в качестве сильной личности, способной возглавить авторитарное правительство. В действительности члены находившейся в зачаточном состоянии петроградской организации правых, созданной в середине марта В.С. Завойко и Е.П. Семеновым, обратили внимание на Корнилова как на потенциального диктатора уже в апреле [17]. Тогда же один из членов кружка Завойко – Семенова беседовал с Корниловым, который согласился с ними сотрудничать. Для

поддержания связи после неожиданного отъезда генерала на фронт Завойко добровольно записался в армию и стал ординарцем Корнилова [18].

Завойко, эта темная личность, впоследствии всеми признанный политическим интриганом самого худшего толка, быстро приобрел на Корнилова огромное влияние [19]. Позже генерал уверял, что обязанности Завойко были, в основном, литературного свойства. По словам Корнилова, он «отлично владеет пером. Поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный художественный стиль» [20]. Не вызывает сомнения, однако, что функции Завойко выходили далеко за литературные рамки. Более точно их взаимоотношения определил Мартынов, который писал: «Со столь легким политическим багажом Корнилов, очевидно, нуждался в чьем-либо руководстве. Таким руководителем при нем, своего рода ментором по всем государственным делам сделался некий Завойко» [21]. С момента назначения в штаб Корнилова Завойко раздувал огонь недоверия к правительству в Петрограде, подогревал честолюбивые устремления своего шефа, неумолимо работал над расширением популярности Корнилова как потенциального национального вождя и со временем оказался в центре всех политических интриг, которые постоянно плелись вокруг генерала.

Начало июльского наступления застало Корнилова на посту главнокомандующего 8-й армией Юго-Западного фронта. Усилив австрийские войска, немцы предприняли мощное контрнаступление и крепко потрепали 8-ю армию. Однако в течение первого короткого периода (с 23 по 29 июня) части 8-й армии имели некоторый успех. Они захватили древний галицийский город Галич, продвинулись в направлении Калуша и в итоге взяли в плен около 12 тыс. вражеских солдат и 200 артиллерийских орудий (пресса с гордостью назвала все это «корниловскими трофеями»). Это произошло в то время, когда русское наступление на других направлениях было отбито, и поэтому урапатриотическая пресса Петрограда отреагировала на этот

кратковременный успех с особым ликованием. Больше всего похвал пришлось на долю лично Корнилова. Позднее во многом благодаря талантам Завойко в качестве рекламного агента Корнилов привлек внимание готовностью «обменять пространство на человеческие жизни» и – с целью восстановления дисциплины – стрелять по отступающим без приказа солдатам. Одновременно вину за поражения русских возложили на верховного главнокомандующего генерала Брусилова и, конечно же, на большевиков.

Подобная реклама увеличила популярность Корнилова среди правых. В результате на этого генерала обратил внимание Максимилиан Филоненко, правый эсер и правительственный комиссар при 8-й армии, а также Борис Савинков, комиссар Юго-Западного фронта и довольно известная историческая личность. Будучи революционным экстремистом, он под влиянием мировой войны превратился в яростного шовиниста. Великолепный политический конспиратор Савинков в 1903 – 1905 годах являлся одной из наиболее ярких фигур знаменитой террористической Боевой организации эсеров. Он принимал активное участие в сенсационных убийствах многочисленных царских сановников, в том числе Вячеслава Плеве, ненавистного министра внутренних дел в период царствования Николая II, и великого князя Сергея. После 1905 года Савинков длительное время находился за границей, где написал несколько популярных романов, однажды зло названных Войтинским «смесью из приемов бульварных журналов, революционных анекдотов и дешевой имитации Достоевского, обильно сдобренных импортированной из Франции эротикой» [22]. В первые месяцы войны Савинков вступил в ряды французской армии, а в апреле 1917 года вернулся в Россию и предложил свои услуги Временному правительству. В начале лета Савинкова, который был близок с тогдашним военным министром Керенским, назначили представителем правительства на Юго-Западном фронте.

В качестве комиссара фронта Савинков наблюдал воочию фактическое разложение русских боевых частей. 9 июля в глубоком отчаянии он телеграфировал Керенскому о начавшихся

ужасах [23]. Подход Савинкова к проблемам армии, конечно же, отличался от подхода тех, кто отвергал любые перемены в вооруженных силах, вызванные революцией. Он подчеркивал важную роль гражданских комиссаров в контроле за поведением офицеров и налаживании отношений между ними и радикально настроенными солдатскими массами [24]. С несколько меньшей энергией он защищал роль демократических комитетов, хотя их компетенция была строго ограничена и четко определена. Вместе с тем Савинков являлся сторонником суровых мер, направленных на восстановление порядка в тылу и на фронте. Эту точку зрения разделял и Филоненко [25]. Есть некоторые свидетельства, что в конце июля Савинков прощупывал Милюкова относительно возможности установления военной диктатуры [26]. И он, и Филоненко стали рассматривать Корнилова как деятеля, способного остановить поток дезертиров с фронта и заставить Керенского согласиться на установление авторитарного государственного строя.

Одной из первых акций Керенского после вступления 8 июля на пост премьер-министра явилось, вероятно, подсказанное Савинковым и Филоненко назначение Корнилова главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Здесь давление противника ощущалось сильнее всего, а разложение русских войск было наибольшим. Корнилов не терял времени, чтобы подтвердить свою репутацию человека твердых и решительных действий. В день принятия командования он в составленной Завойко телеграмме Керенскому потребовал санкционировать смертную казнь для дезертиров, причем в таких угрожающих выражениях, что Савинков был вынужден вмешаться и настоять на изменении текста послания [27]. На следующий день, не дожидаясь ответа Керенского, Корнилов приказал своим командирам применить пулеметы и артиллерию против отступавших без приказа частей [28].

Керенский и без предупреждений Корнилова понимал всю серьезность военного положения России и необходимость крутых мер для того, чтобы остановить толпы русских солдат, стремительно и в беспорядке покидающих окопы. Еще до получения

телеграммы Корнилова Керенский 9 июля издал приказ всем командирам открывать огонь по воинским частям, отступающим без официального распоряжения. Через три дня по рекомендации Керенского Временное правительство в целях поддержания дисциплины на фронте официально ввело смертную казнь. Между тем свидетельства усилий Корнилова по оказанию давления на правительство, наверное, стараниями изобретательного Завойко просочились в печать. Репортажи в националистических газетах Петрограда внушали читателям, что Корнилов все время требовал от правительства санкций на осуществление суровых мер с целью восстановления дисциплины в армии (что было правдой), а Керенский с неохотой уступал этому нажиму (что не соответствовало действительности). В итоге акции Корнилова у правых резко повысились, а правительства – соответственно упали. А вот в массах образ Корнилова как главного символа контрреволюции укрепился еще больше.

16 июля Керенский (в сопровождении министра иностранных дел Терещенко, а также Савинкова и Филоненко) встретился в Ставке в Могилеве с представителями русского высшего военного командования. Это чрезвычайное совещание было созвано по распоряжению Керенского для того, чтобы совместно оценить военную ситуацию на всех фронтах в связи с успешным контрнаступлением противника и рассмотреть возможности прекращения развала армии. Ввиду чрезвычайно шаткого положения на Юго-Западном фронте Корнилову разрешили остаться на месте и свой доклад совещанию передать по телеграфу; почти все остальные высшие русские генералы присутствовали. В их числе: верховный главнокомандующий генерал Брусилов, главнокомандующий Западным фронтом генерал Деникин, с Северного фронта – генерал Клемоовский, а также генералы Рузский и Алексеев, временно не имевшие постов [29]. Как и ожидалось, все эти генералы открыто высказали свою горечь по поводу тех перемен, которые революция внесла в армию. Один за другим они резко упрекали Совет, Временное правительство и лично Керенского за то, что они способствовали гибели армии. Главными объектами генеральского гнева являлись некомпетентные

комиссары и постоянно растущее число всевозможных жаждущих власти комитетов, которые, по их мнению, подрывали авторитет офицеров и непрерывно вмешивались в военные операции. Один главнокомандующий фронтом заявил, что в армии не может быть двоевластия. Армия должна иметь единого начальника и единую власть. Генерал Брусилов четко сформулировал то особое значение, которое присутствующие генералы, видно, придавали возрождению армии. Он, в частности, сказал: «Затруднения, испытанные Временным правительством в Петрограде, все бедствия России имеют одну причину – отсутствие у нас армии» [30].

В словах генералов сквозило не высказанное прямо убеждение, что беспорядки в армии являются главным образом следствием практиковавшейся правительством вседозволенности и что, следовательно, только введение строгой дисциплины среди рядового состава вместе с соответствующими законодательствами и административными санкциями восстановят боеспособность армии. Генералы дали ясно понять, что если Керенский не пожелает действовать решительно и без промедления в данном направлении, то они будут вынуждены взять это дело в собственные руки. Самую длинную и взволнованную речь произнес генерал Деникин, энергичный, молодой, отмеченный многими наградами герой начального этапа войны, который вслед за обвинениями в адрес Керенского и жалобами на положение, сложившееся в армии после Февральской революции, выдвинул целый ряд категорических, одобренных большинством его коллег требований, которые правительству надлежало тотчас же провести в жизнь. Деникин настаивал на предоставлении генералам полной свободы действий во всех военных вопросах. Он потребовал немедленной ликвидации института комиссаров и демократических комитетов, отмены Декларации прав военнослужащих [31], восстановления прежнего полномочия офицеров, введения высшей меры наказания, использования особых военных судов для укрепления дисциплины в тыловых частях и полного запрета на политическую деятельность в армии – словом, не только возврата к прежним порядкам в подразделениях на фронте, но и распространения репрессий на армейские части, дислоцированные

по всей территории России. Помимо этого, Деникин потребовал создания специальных карательных отрядов для утверждения, в необходимых случаях, власти командиров силой.

Один из присутствовавших 16 июля на совещании в Ставке рассказывал, что Керенский слушал обвинения Деникина в безмолвном потрясении, обхватив руками склоненную над столом голову, а Терещенко был взволнован до слез этими тягостными сообщениями [32]. Впоследствии генерал Алексеев в дневнике записал: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня» [33]. По сравнению с докладом надменного Деникина отчет Корнилова совещанию был сравнительно мягким, вне всякого сомнения потому, что в то время Завойко отсутствовал и доклад готовился не без влияния Савинкова и Филоненко [34]. О том, что Корнилов в основном думал так же, как и Деникин, свидетельствовала телеграмма, посланная Корниловым Деникину сразу же после получения текста выступления последнего. В телеграмме, в частности, указывалось: «Под таким докладом я подписываюсь обеими руками...» [35]

Хотя телеграфный отчет Корнилова и подтверждал необходимость восстановления прежнего положения и дисциплинарной власти офицеров, строгого запрета на политическую деятельность в вооруженных силах, введения смертной казни и особых судов в тылу, в нем в то же время давалось понять, что определенную ответственность за нарушения дисциплины и порядка несут и командиры. Корнилов даже потребовал чистки офицерского корпуса. В противоположность безоговорочному осуждению остальными генералами комиссаров и комитетов Корнилов обошел молчанием проблему вмешательства гражданских лиц в военные дела. Более того, он фактически предложил усилить роль комиссаров (несомненный признак влияния Савинкова). И наконец, настаивая на четком определении и значительном сужении сферы компетенций демократических комитетов, Корнилов, в отличие от своих коллег-командующих, не требовал их немедленной ликвидации [36].

Возвращаясь поездом в Петроград после совещания в Ставке 16

июля, Керенский, поддавшись на уговоры Савинкова и Филоненко, по-видимому, еще в пути решил сместить Брусилова и выдвинуть на пост верховного главнокомандующего Корнилова.

Через два дня объявили об этой замене. Одновременно Керенский назначил главнокомандующим Юго-Западным фронтом (вместо Корнилова) генерала Владимира Черемисова. Как много позже вспоминал Савинков, сместить Брусилова рекомендовали он и Филоненко ввиду неспособности генерала справиться с кризисом в армии и предложили взамен Корнилова, проявившего твердость и хладнокровие в период пребывания (всего одна неделя!) в должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом [37]. Возможно, это соответствует действительности. В то время Савинков и Филоненко активно искали руководителя, готового решительно, без колебаний применить силу против вышедших из-под повиновения воинских частей. Труднее понять, почему Керенский, имевший свои собственные честолюбивые планы, согласился с их рекомендацией. Как раз в этот момент новый премьер-министр прилагал отчаянные усилия, чтобы защититься от нападков со стороны как левых, так и правых экстремистов и сколотить вторую центристскую, либерально-социалистическую коалицию. Пока его шансы на успех были весьма неопределенными, Корнилов же благодаря своей растущей популярности среди либералов и консерваторов превратился в очень влиятельную политическую фигуру и, следовательно, в естественного соперника Керенского.

Впоследствии Керенский утверждал, что выдвижение Корнилова обусловили достоинства последнего как боевого командира [38], его благожелательная позиция относительно реформ в армии и особенно взгляд на будущую роль политических комиссаров и демократических комитетов [39]. Однако данное объяснение звучит неправдоподобно. Успехи Корнилова на полях сражений были более чем скромными, его стремление (несмотря на телеграмму от 16 июля) использовать военную силу для пресечения беспорядков в тылу и на фронте – это документально засвидетельствованный факт. Скорее всего Керенского привлекла

закрепившаяся за Корниловым репутация строгого и жесткого человека, а не его мнимая готовность примириться с революционными преобразованиями. По-видимому, Керенский пришел к выводу, что армия нуждается в сильной личности. В этом он был, в сущности, единого с Савинковым и Филоненко мнения. Для нового премьер-министра, изо всех сил работавшего над укреплением своих политических позиций, назначение Корнилова имело еще и то преимущество, что он был чрезвычайно популярен среди раздраженных либералов и рассерженных консерваторов, а также у представителей несоциалистической прессы Петрограда [40].

Следует также иметь в виду, что возможности выбора на пост нового верховного главнокомандующего были у Керенского довольно ограниченными. Необходимость смещения бездействовавшего Брусилова уже признавалась практически всеми. Вместе с тем, если судить по результатам совещания в Ставке, большинство военачальников русской армии было настроено так же реакционно и испытывало к Керенскому такую же неприязнь, как и Корнилов. Не исключено, что Керенский рассматривал кандидатуры двух генералов рангом ниже, не приглашенных в Ставку 16 июля. Речь идет о генерале Черемисове, сменившем Корнилова на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом, и о главнокомандующем Московским военным округом, генерале Верховском. Но именно потому, что они отвергли идею восстановления дисциплины в армии с помощью только репрессий и выражали готовность сотрудничать с комитетами и комиссарами и очистить корпус от ультрареакционных элементов, Черемисов и Верховский находились под подозрением у многих из тех людей, чьей поддержки Керенский добивался. Что же касается опасности самовольных действий со стороны Корнилова, то Савинков (поднявшийся уже до поста заместителя военного министра) и Филоненко (одновременно назначенный комиссаром при Генеральном штабе), безусловно, полагали, что, поскольку им удавалось сдерживать Корнилова в прошлом, они смогут делать это и в будущем. Весьма вероятно, что эту уверенность они внушили и Керенскому.

Однако Керенский тотчас же обнаружил, что контролировать Корнилова, окруженного в Могилеве правыми экстремистами, будет нелегко. На следующий день после назначения (19 июля) Корнилов в телеграмме, составленной Завойко в ультимативных выражениях и сразу же попавшей в печать, обусловил вступление в должность верховного главнокомандующего согласием Керенского выполнить ряд требований, не менее опасных, чем те, о которых говорил в Ставке Деникин. Корнилов утверждал, что как верховный главнокомандующий он должен иметь полную свободу действий, без всяких предписаний сверху, и быть ответственным только «перед собственной совестью и всем народом». Он требовал абсолютной самостоятельности в вопросах оперативных распоряжений и при назначении высшего командного состава. В целях укрепления дисциплины в тылу и на фронте для солдат следовало учредить особые суды и ввести смертную казнь. Затем Корнилов потребовал от правительства принять все остальные рекомендации, изложенные им совещанию в Ставке [41]. Кроме того, 20 июля новый верховный главнокомандующий телеграфировал Керенскому, настаивая на отмене решения о назначении Черемисова главнокомандующим Юго-Западным фронтом [42].

Есть данные, что после получения этих телеграмм Керенский было вознамерился пересмотреть свое решение о назначении Корнилова верховным главнокомандующим и вовсе отказаться от этой идеи [43]. Однако теперь он находился в чрезвычайно сложном положении. О назначении Корнилова было уже объявлено, а благодаря стараниям Завойко «условия» генерала стали также известны широкой общественности. Кадеты, все остальные либеральные и консервативные группы, несоциалистическая пресса уже тесно сплотились в поддержку Корнилова. Их позицию отразила газета «Новое время», которая 20 июня писала: «Трудно, пожалуй, даже невозможно было найти более подходящего полководца и верховного начальника в дни смертельной опасности, переживаемой Россией... Временному правительству пришлось сделать выбор между митингом на фронте, развалом армии, разгромом юга России – и спасением государства. И оно нашло в себе мужество и решимость сделать этот выбор». Разрыв

в такой момент с Корниловым, по всей вероятности, положил бы конец проходившим деликатным переговорам относительно формирования нового коалиционного правительства с участием кадетов. Ввиду всего этого между Корниловым и Керенским спешно был выработан своего рода компромисс. Корнилов обещал подчиняться правительству и не настаивать на немедленном осуществлении других своих условий, а правительство в свою очередь обязывалось благожелательно рассмотреть требования генерала и без излишних проволочек принимать по ним решения. Керенский также согласился подобрать для Черемисова другую должность. И хотя данная уступка не казалась в тот момент важной, Керенскому в конечном счете пришлось дорого за нее заплатить [44].

Позже Корнилов дважды выезжал в Петроград, пытаясь убедить правительство в необходимости провести в жизнь его рекомендации. Первый визит имел место 3 августа. Корнилов привез официальные предложения (еще один пример литературного таланта Завойко), содержавшие большую часть требований относительно введения наказаний в воинских подразделениях на фронте и в тылу и восстановления дисциплинарной власти офицеров, о которых ранее говорили Деникин и Корнилов, а также многое из тех условий, которые Корнилов выдвинул 19 июля. Хотя в предложениях от 3 августа Корнилов уже не настаивал на неограниченных полномочиях для себя, он, однако, пересмотрел свои позиции, касавшиеся будущей роли комиссаров, и требовал теперь не расширения, а строгого ограничения их власти [45]. Ему также рисовалась и более скромная, жестче контролируемая роль демократических комитетов, отличавшаяся от той, которую он предлагал в отчете 16 июля. И все же, как признавал впоследствии Керенский, он, Савинков и Филоненко были готовы в принципе поддержать подобные меры. Однако они нашли официальный документ Корнилова столь грубым по слогу и подстрекательским по содержанию, что все трое пришли к выводу – в таком виде его нельзя представить даже на закрытом заседании кабинета. Поэтому поручили Филоненко переложить документ на более дипломатический язык для представления его

Корниловым правительству 10 августа [46]. 3 августа, перед отъездом из столицы, на встрече с кабинетом Корнилов не касался своих предложений относительно реформ, а ограничился общими оценками сложившегося в армии положения.

Как только из петроградской прессы стало известно о содержании предложений Корнилова [47], то сразу же разгорелись ожесточенные и длительные публичные споры центристов и правых, твердых сторонников Корнилова и его программы, с умеренными и крайне левыми элементами, вновь образовавшими объединенную оппозицию (прежде всего по отношению к введению смертной казни в тылу и ограничению сферы деятельности демократических комитетов). Так, например, 4 августа «Рабочая газета» в полной неприязни редакционной статье на первой полосе обвинила кадетов (и косвенно Корнилова) в том, что они выступают за возврат к старорежимным порядкам, и заявила, что именно практиковавшаяся суровая дисциплина сделала царскую армию надежным инструментом самодержавия. Обращаясь к кадетам, автор редакционной статьи требовал: «Скажите уж прямо, кого вы собираетесь выставить в военные диктаторы, кого вы подготавливаете в Наполеоны?» Тревога, вызванная среди рабочих, солдат и матросов программой Корнилова, заставила вновь вспыхнуть подспудно тлевший протест против восстановления на фронте смертной казни. 7 августа рабочая секция Петроградского Совета приняла составленную в энергичных выражениях резолюцию, требовавшую отмены высшей меры наказания [48].

По-видимому, как раз в это время находившийся в Петрограде в ожидании назначения генерал Черемисов установил тесную связь с руководством умеренных социалистов. 4 августа «Известия» опубликовали отчеты о пресс-конференциях, проведенных накануне генералом Корниловым после его встречи с кабинетом, а также генералом Черемисовым. Отвечая на вопросы журналистов, Корнилов вновь подчеркнул важность немедленного одобрения правительством широкого круга дисциплинарных мер и резко выступил против будущей роли демократических комитетов. В

противоположность этому основной смысл высказываний Черемисова сводился к тому, что одними репрессивными мерами, «даже массовыми расстрелами», дисциплины не восстановить, что сделать это будет невозможно до тех пор, пока солдат не поймет и не согласится с необходимостью, обязанностью и долгом продолжать войну. В деле повышения самосознания солдатских масс Черемисов придавал большое значение совместным усилиям офицеров и демократических комитетов. «Известия» специально подчеркнули различие между двумя заявлениями: «Сегодня, – писала газета, – мы даем две беседы: с верховным главнокомандующим генералом Корниловым и... генералом Черемисовым по одному и тому же вопросу... Но посмотрите, как они различны по содержанию. В то время как первый упорно настаивает на решительных и суровых мерах... пренебрегая существующими армейскими организациями, второй... весь центр тяжести борьбы с разрухой в армии переносит на совместную работу командного состава с войсковыми организациями... Симпатии же демократии не на стороне ген. Корнилова» [49].

Согласно циркулировавшим в столице на второй неделе августа не совсем беспочвенным слухам, Керенский заметил в своем окружении, что Корнилов не справится с должностью верховного главнокомандующего и что Черемисов был бы подходящей заменой. Когда разговоры о сомнениях Керенского дошли до Могилева, они, естественно, встревожили Корнилова и его свиту. Либеральные и консервативные группы усилили кампанию в пользу Корнилова. Несоциалистические газеты ежедневно печатали материалы, свидетельствующие о поддержке Корнилова такими организациями, как Союз офицеров, Союз казачьих войск, Союз георгиевских кавалеров.

8 – 10 августа Москва стала сценой широко разрекламированного совещания общественных деятелей, в котором участвовали несколько сотен специально приглашенных видных коммерсантов, промышленников, представителей сельского хозяйства, различных профессиональных групп, армии, либеральных и консервативных политических группировок. Своей главной задачей совещание

ставило выработку взаимно приемлемых позиций по наиболее важным проблемам для представления более широкому Московскому государственному совещанию, которое должно было открыться 12 августа [50]. Среди делегатов находились богатые промышленники (Рябушинский, Третьяков, Коновалов и Вышнеградский), большая группа кадетов во главе с Милюковым, множество высших военных чинов, включая генералов Алексеева, Брусилова, Каледина и Юденича. 9 августа эти сановные лица прервали обсуждение серьезных политических проблем, чтобы одобрить приветственную телеграмму с выражением доверия Корнилову. В этом документе, отправленном Корнилову и обнародованном в тот же день, утверждалось, что всякие покушения на подрыв авторитета Корнилова в армии и России являются «преступными», что «вся мыслящая Россия» смотрит на него с надеждой и верой. «Да поможет Вам Бог, – говорилось в заключение в телеграмме, – в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России» [51].

Пока вокруг Корнилова бушевали общественные страсти, Филоненко усердно перерабатывал предложения Корнилова от 3 августа, чтобы 10 августа представить их на рассмотрение кабинету. Не довольствуясь лишь переложением документа на дипломатический язык, он вставил некоторые обширные рекомендации относительно жесткого контроля над железными дорогами и промышленными предприятиями. Так, например, он вписал дополнительный абзац о переводе всех железных дорог на военное положение. Невыполнение железнодорожниками распоряжений наказывалось так же, как и отказ солдата на фронте подчиниться приказу, т.е., как правило, смертной казнью. Для осуществления этих мер предлагалось на всех главных железнодорожных станциях учредить военно-революционные суды. В другом добавленном Филоненко абзаце предлагалось объявить на военном положении все заводы, работавшие на оборону, а также угольные копи (практически в данную категорию можно было включить почти все предприятия). На них следовало временно запретить всякие стачки, локауты, политические собрания и фактически организации любого рода. Рабочим и служащим определялись обязательные минимальные нормы

выработки, при невыполнении которых виновные немедленно увольнялись и отправлялись на фронт. «Указанные мероприятия, – писал Филоненко в конце переработанного проекта, – должны быть проведены в жизнь немедленно с железной решимостью и последовательностью» [52].

Савинков, полностью согласный с рекомендациями Филоненко, уговаривал Керенского поддержать их на заседании кабинета и даже подал прошение об отставке, когда премьер-министр стал возражать. Сперва Керенский отклонил прошение Савинкова, затем принял его, но в конце концов, отчасти вследствие давления со стороны Корнилова, уговорил Савинкова вернуться на прежний пост [53]. Керенский сам признавал, что он с радостью первым бы принялся за осуществление мер, разработанных Филоненко, чтобы остановить сползание промышленности и транспорта к полному хаосу. Необходимость столь радикальных мер уже широко обсуждалась в либеральных и консервативных кругах и даже среди членов кабинета.

Однако ввиду той бури, которую вызвала со стороны левых более умеренная программа Корнилова от 3 августа, Керенский испытывал понятную тревогу по поводу возможного воздействия поправок Филоненко на лидеров Совета, не говоря уж о рабочих и солдатах. По-видимому, он полагал, что подобные меры приведут к решительному разрыву с Советом, к кровопролитным столкновениям с возглавляемыми большевиками массами (исход которых трудно было предвидеть), а в лучшем случае к созданию авторитарного правительства, полностью подчиненного военным. В отличие от многих бывших умеренных Керенский в какой-то момент остановился у рубежа столь радикального курса. Предупрежденный членами своей свиты в Могилеве относительно замышляемого в Петрограде против него заговора, Корнилов попытался отказаться от поездки 10 августа в столицу. Это вполне устраивало Керенского, который, хотя и был не прочь использовать Корнилова для проведения репрессий на фронте, по понятным причинам опасался популярности генерала среди правых и его влияния на государственную политику. Савинков и

Филоненко, напротив, были полны решимости употребить влияние Корнилова, чтобы вынудить Керенского принять переработанную программу. Поэтому они убедили верховного главнокомандующего не отменять поездку. Корнилов, однако, был настороже и взял с собой в Петроград личную охрану из туркменских солдат, вооруженных пулеметами. Вскоре после того, как поезд Корнилова отправился из Могилева в столицу, в Ставку пришла телеграмма от Керенского, в которой верховному главнокомандующему сообщалось, что правительство его не вызывало, не настаивает на его приезде и ввиду сложившейся стратегической ситуации не может нести ответственность за пребывание его вдали от фронта [54].

Приехавшего в Петроград Корнилова у поезда встретили Филоненко и Савинков, которые привезли переработанный доклад. Торопливо одобрив документ, генерал отправился в Зимний дворец. На следующий день петроградские газеты опубликовали подробное описание его красочного кортежа. По пути следования соблюдались строгие меры безопасности. Медленно ехавший автомобиль Корнилова охраняли скакавшие рядом с суровыми лицами солдаты-туркмены, одетые в алые халаты, с кривыми саблями на поясах. Впереди и позади двигались открытые автомобили, полные туркмен, вооруженных пулеметами. Когда процессия приблизилась к Зимнему дворцу, Керенский с изумлением, не веря своим глазам, увидел из окна верхнего этажа, как туркмены соскочили с автомашин и устремились к входу. Установив в главном вестибюле пулемет, они встали рядом, готовые, если понадобится, силой вызволить своего командира [55].

Такой была эта необычайная прелюдия к короткой, предсказуемо холодной встрече Керенского и Корнилова, которая лишь углубила их разногласия и осложнила отношения. Вначале Корнилов официально передал свою переработанную и расширенную программу, с которой Керенский, как мы знаем, был уже знаком. Реакция премьер-министра была уклончивой, хотя он, возможно, и дал понять, что предложения в принципе приемлемы, как это и

было на самом деле [56]. Корнилов, рискнувший приехать в Петроград, будучи уверенным в том, что дело на терпело отлагательства, не собирался отступать от своих намерений. Он потребовал, чтобы кабинет в тот же вечер обсудил его предложения. Керенский отказался собрать весь кабинет, а вместо этого организовал неофициальное совещание с участием только двух своих ближайших сторонников в правительстве: Некрасова и Терещенко. Не пригласили четырех министров-кадетов, приготовившихся к решительной борьбе в защиту программы Корнилова, и семерых министров из числа умеренных социалистов, неизменно выступавших против нее. В результате обмена мнениями вечером 10 августа Керенский, Терещенко и Некрасов выразили готовность поддержать перед полным составом кабинета предложения Корнилова, касавшиеся восстановления армии (по сути, те рекомендации, которые он привозил в Петроград 3 августа), и твердо настаивали на том, чтобы отложить рассмотрение новых, добавленных Филоненко, положений об установлении контроля над железными дорогами и промышленными предприятиями [57].

Нетрудно представить разочарование Корнилова, когда он поздно ночью 10 августа выехал из Петрограда в Могилев. Встречи с премьер-министром 3 и 10 августа лишь усилили его презрение лично к Керенскому. Но что еще хуже, один инцидент, имевший место во время совещания с правительственным кабинетом 3 августа, породил в Корнилове опасения, что политика в Петрограде деградировала до такой степени, что немецкие агенты проникли в самые верхи правительства. Когда Корнилов докладывал о состоянии армии, Керенский тихо попросил воздержаться от слишком подробного описания действительного положения вещей. Как Савинков объяснил генералу после совещания, хотя доказательств, что кто-то из министров передает информацию врагу, и отсутствовали, некоторые члены правительства были тесно связаны с членами Центрального Исполнительного Комитета, среди которых имелись лица, подозреваемые в связях с немцами [58]. По-видимому, этот инцидент глубоко потряс Корнилова, что, безусловно, укрепило

его недоверие к правительству Керенского. Но именно две неудачные попытки представить кабинету предложения о срочных мерах более всего усилили зародившиеся у Корнилова еще в бытность главнокомандующим Петроградским военным округом и постоянно раздуваемые окружавшими его в Ставке правыми элементами подозрения, что Временное правительство слишком слабо и разобщено, чтобы действовать решительно, и что для установления в стране в случае необходимости авторитарного порядка потребуется военное вмешательство [59].

Спустя три дня после первого приезда в столицу Корнилов 6 августа выдвинул требование о передаче под его командование Петроградского военного округа, до того находившегося в подчинении военного министра. Если такая перемена, обоснованная вероятностью скорого превращения Петроградского района в зону военных действий, была бы осуществлена, то это значительно упрочило бы позиции Корнилова в случае военного столкновения с правительством или левыми силами. Одновременно он распорядился о передислокации значительных воинских контингентов, явно предназначенных для использования в Петрограде [60]. К радости правых экстремистов, которые давно готовились к перевороту, интенсивность подобных приготовлений возросла после вторичного посещения Корниловым Петрограда. В беседе 11 августа со своим начальником штаба генералом Лукомским Корнилов пояснил, что эти акции необходимы ввиду ожидаемого восстания большевиков и что пришла «пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался». Обсуждая с Лукомским назначение ультра консервативного генерала Крымова командиром воинских частей, концентрировавшихся вокруг Петрограда, Корнилов выразил удовлетворение тем, что, если понадобится, Крымов не станет задумываться, чтобы «перевешать весь состав рабочих и солдатских депутатов» [61].

Конечно же, все это несколько не означало, что Корнилов окончательно настроился на прямые военные акции против

правительства. Учитывая отрицательное отношение петроградского населения к предусмотренным программой Корнилова мерам и возможную реакцию в случае их осуществления, проведенная Корниловым в первой половине августа передислокация воинских частей представлялась целесообразной независимо от того, будет ли армия в конечном счете действовать сама по себе или же совместно с Керенским. По-видимому, Корнилов, не в пример многим своим сторонникам, все еще не терял надежды на то, что правительство критически оценит ситуацию и без борьбы покорится его власти [62]. Как вспоминал Лукомский, Корнилов 11 августа заметил: «Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться» [63]. Ясно, однако, и то, что теперь Корнилов был готов в случае необходимости выступить самостоятельно.

Александр Рабинович.

1. 11 августа в районе Малая Охта вышедший из-под контроля пожар полностью уничтожил 4 фабрики и большое количество снарядов. Спустя три дня огонь уничтожил пороховой завод и склад боеприпасов в Казани, взрывы продолжались в течение трех дней. Кроме того, 16 августа еще один сильнейший пожар сравнял с землей фабрику Вестингауза в Петрограде.

2. Нехватка хлеба, мяса, рыбы, овощей, молочных продуктов и других необходимых продовольственных товаров резко возросла к концу лета и в начале осени. Сильнее всего это затронуло граждан с низкими доходами, которые не имели возможности покупать не только на процветающих повсюду черных рынках, но и в обыкновенных продовольственных магазинах, где цены на товары быстро поднимались. Одновременно обозначился кризис в обеспечении жилых домов и промышленных предприятий топливом. В начале августа правительственные службы предупредили, что к середине зимы половина петроградских предприятий будет вынуждена остановить производство из-за отсутствия топлива. Ф р а й м а н А.Л. (отв. ред.) Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967, т. 2, с. 5-16, 69-86).

3. White J.D. The Kornilov Affair: A Study in Counterrevolution.-«Soviet Studies», 1968, vol. XX, pp. 188-189.
4. Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 196-200.
5. Там же.
6. Состоявшие в основном из консервативно настроенных офицеров Союз офицеров армии и флота, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров были созданы вскоре после Февральской революции для того, чтобы помочь приостановить процесс ухудшения положения офицеров и развал воинской дисциплины в вооруженных силах, а также содействовать «войне до победы». Кроме основной штаб-квартиры в Могилеве, главный комитет Союза офицеров имел своих представителей на различных фронтах. Членами Союза георгиевских кавалеров могли стать лишь награжденные за храбрость в сражении крестом св. Георгия. Подобно другим влиятельным ультрапатриотическим группам, Союз офицеров, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров враждебно относились к Советам и были настроены резко антибольшевистски.
7. White J.D. The Kornilov Affair..., p. 187.
8. Лаверычев В.Я. Русские монополисты и заговор Корнилова, «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 36.
9. Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, с.34-37.
10. Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927, с. 11-17.
11. Там же. с. 16-18.
12. Там же, с. 20.
13. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Отв. ред. Чугаев Д.А. АН СССР. Институт истории. М., 1957, с. 409-410.
14. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 18.
15. Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927, т. 2, с. 57.
16. Церетели ИХ. Воспоминания о февральской революции. Париж. 1963, кн. I, с. 91-92.
17. Эта группа имела собственный еженедельный журнал «Свобода в борьбе».
18. Лаверычев В.Я. Русские монополисты и заговор Корнилова.-

«Вопросы истории», 1964, № 4, с. 34-35. While J.D, The Kornilov affair: A study in Counterrevolution:-«Soviet Studies», 1968, vol. XX, pp. 187-188. По-видимому, Завойко действовал в интересах собственной организации, центром притяжения которой был журнал «Свобода в борьбе», а не от имени Общества экономического возрождения России, как утверждали Лаверычев и Уайт.

19. В.С. Завойко был сыном адмирала, отличившегося в Крымской войне. В начале нового, XX века, Завойко, еще не достигший тридцати лет, сумел сколотить крупное состояние в результате весьма сомнительных операций с недвижимым имуществом в Польше, где являлся уездным предводителем дворянства (Мартынов Е.Н. Указ. соч., с. 20-21). После революции 1905 года он занялся активной предпринимательской деятельностью в нефтяной промышленности и крупном промышленном финансировании, а также пробовал силы в публицистике. В период первой мировой войны стал соиздателем крайне правой газеты, «Русская Воля», а в апреле 1917 года перед отъездом на фронт – редактором и издателем журнала «Свобода в борьбе».

20. М и л ю к о в П.Н. История второй русской революции. София, 1921 – 1924, т. I, вып. 2, с. 60.

21. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 20.

22. Woytinsky W.S. Stormy Passage. N.Y., 1961, p. 333.

23. См. выше, с. 49.

24. «Рабочая газета», 29 июля; Бухбиндер Н. На фронте в предоктябрьские дни.-«Красная летопись», 1923, № 6, с. 32-34.

25. Там же, с. 34.

26. Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution., p. 207.

27. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 25.

28. Там же, с. 29., p. 207.

29. Генерал Николай Рузский в период Февральской революции командовал Северным фронтом и оставался на этом посту до апреля. Генерал Михаил Алексеев занимал пост верховного главнокомандующего русской армией с начала марта до 21 мая 1917 года. Во время совещания в Ставке оба генерала все еще ожидали назначения.

30. Текст протоколов совещания в Ставке 16 июля полностью приведен в: Бухбиндер Н. На фронте в предоктябрьские дни.- «Красная летопись», 1923, № 6, с. 39. Переведенные на английский язык выдержки см. в: Bgowder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917. Stanford, 1961, vol. 2, pp. 989-1010.
31. Бухбиндер Н. Указ. соч., с. 21-27. Декларация прав солдат представляла собой заявление о демократических правах, впервые опубликованное Петроградским Советом 15 марта и обнародованное в переработанном виде военным министром Керенским 11 мая.
32. Lechovich D.V. White against Red: The Life of General Anton Denikin. N.Y., 1974, p. 104.
33. Алексеев М. Из дневника генерала Алексеева.- «Русский исторический архив», Прага, 1929, т. I, с. 41.
34. М а в т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 31.
35. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. 1, вып. 2, с. 188.
36. Бухбиндер Н. Указ. соч., с. 31; см. также: Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 39.
37. Мятёж Корнилова. Из белых мемуаров. Л., 1928, с. 202; см. также: Савинков Б. Генерал Корнилов. Из воспоминаний – «Былое», 1925, № 3(31), с. 188-190.
38. Kerensky A.F. The Catastrophe. N.Y., 1927, p. 114.
39. К е р е н с к у А.F. Prelude to Bolshevism: The Kornilov Rising. N.Y., 1919, p. XIII, 13-14.
40. Поэтому вопросу см.: White J.D. The Kornilov Affair..., pp. 196-197.
41. Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 41.
42. Советские историки не без основания полагали, что это случилось не потому, что были какие-то сомнения относительно способностей Черемисова в качестве военного руководителя, а скорее из-за его репутации «левого» и из-за опасений политического соперничества. См. например.: Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 39.
43. Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М., 1924, с. 48.
44. Командующим Юго-Западным фронтом назначили генерала

Деникина.

45. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 45; Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 53.
46. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 45.
47. См., например: «Известия», 5 августа.
48. «Новая жизнь», 8 августа; см, также с. 00 00.
49. «Известия», 4 августа; см. также: «Новая жизнь», 4 августа.
50. см. ниже, с. 110-115.
50. См. ниже, с. 110-115.
51. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 360; Об оценке поведения кадетов на совещании см.: Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 210-218.
52. Полный текст переработанных предложений см. в: -«Красная летопись», 1924, № 1 (10), с. 207-217 («К истории корниловщины»); см. также: Иванов Н.Я. Указ. соч., с. 57-58; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 36-37.
53. Это произошло между 10 и 17 августа.
54. Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. с. 61.
55. Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. с.52-53.
56. White J.D. The Kornilov Affair..., p. 200.
57. Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 59-60. По настоянию кадетов, кабинет 11 августа рассмотрел военные аспекты программы и, в принципе, одобрил их, но потребовал дальнейших обсуждений.
58. Мартынов Е.И. Указ. соч., с.48.
59. Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967, т. 2, с. 133.
60. Мартынов Е.И. Указ. соч., с.48.
61. Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922, т. I, с. 227.
62. По данному вопросу см.: White J.D. The Kornilov Affair..., pp. 197-199.
63. Лукомский А.С. Указ. соч., с. 227. Taryhy makalalar